

Елена АЛЕКСЕЕНКОВА

Научный сотрудник Центра глобальных проблем
ИМИ МГИМО, менеджер по аналитической работе
Российского совета по международным делам,
кандидат политических наук
alekseenkova@russiancouncil.ru

«Восстановленный суверенитет» как основание национальной гордости

*На этот суверенитет как на принципиально
неограничиваемое полномочие
делать то, чего положение дел требует
в интересах государственной безопасности,
без оглядки на будто бы препятствующий этому
конституционный порядок,
ссылалась королевская власть Реставрации.*

К.Шмитт. «Диктатура»

СУВЕРЕНИТЕТ НА РУБЕЖЕ

«Рубежный характер» политического момента, обозначенный В.В.Путиным в ежегодном послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, отражает восприятие текущей внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации как некоей точки бифуркации, когда значимость каждого шага исключительно высока¹ и каждое принятое решение способно изменить траекторию дальнейшего развития. Сложно отрицать, что для России это развитие

в настоящий момент если не определяется, то во многом зависит от характера взаимодействия с внешним миром. В своих выступлениях 2017-2018 годов политический лидер страны неоднократно подчеркивал, что главным достижением 2000-2010-х годов является сохранение или восстановление национального суверенитета². Как правило, в дискурсе В.В.Путина суверенитет воспринимается в негативной парадигме - как способность избежать «развала страны», «государственного коллапса», «вымирания нации», «неспособность ответить на вызовы, с которыми мы столкнулись в борьбе с международным терроризмом»³. Однако наряду с этим имеет место и позитивистское восприятие суверенитета - как способности определять и отстаивать свои национальные интересы⁴. 76,69% голосов, полученных В.В.Путиным на очередных президентских выборах, и стабильно высокие рейтинги поддержки, фиксируемые социологическими опросами, свидетельствуют об одобрении населением тех способов отстаивания национальных интересов России, которые выбрал В.В.Путин⁵.

Как справедливо отмечает в статье «Пути выживания в окопной войне» генеральный директор РСМД А.В.Кортунов, внешняя политика России последних лет постепенно становится основанием для национальной гордости, и одна из причин тому - восстановление государственного суверенитета⁶. Попробуем разобраться, действительно ли с российским суверенитетом теперь все в порядке и он может стать надежной опорой для новой траектории развития страны, если в качестве таковой будет выбрана мобилизационная модель развития экономики в условиях «осадной крепости»?

На первый взгляд очевидно, что после военных успехов России в Сирии и весьма убедительного в военной части послания Федеральному Собранию 2018 года сомнения относительно суверенитета России на международной арене вряд ли имеют место в общественном сознании⁷. Вспомним, однако, о тех составляющих суверенитета, которые в свое время выделял один из наиболее авторитетных исследователей суверенитета С.Краснер⁸: 1) внутренний суверенитет как принцип организации власти в государстве и контроля над ее исполнением со стороны граждан; 2) «суверенитет взаимозависимости» (*interdependence sovereignty*), отражающий способность государства контролировать трансграничные передвижения людей, капитала, товаров и пр.; 3) международно-правовой суверенитет, выступающий основанием для равноправия государств на между-

народной арене; 4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий вмешательство внешних акторов во внутреннюю политику государства.

Анализ современного официального политического дискурса в России демонстрирует, что российское руководство, говоря о суверенитете, апеллирует в основном к третьей и четвертой его составляющих, то есть к компонентам «внешнего» суверенитета, и довольно неохотно говорит об основаниях «внутреннего суверенитета» (первая и вторая составляющие).

ВНЕШНИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: РАВЕНСТВО ПЛЮС НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО

Так, довольно много внимания в выступлениях президента и министра иностранных дел России уделяется вопросу о равноправии государств на международной арене⁹. Именно эта составляющая суверенитета позволяет России говорить о праве на собственные национальные интересы и их реализацию в рамках международного права. Среди этих интересов и превращение России в один из влиятельных центров современного полицентричного мира, и экономические интересы в странах ближнего зарубежья, которые Россия имеет право отстаивать наравне с другими глобальными и региональными игроками, и стремление к равноправному участию в создании единой и неделимой безопасности и др.

Дискурс о «равноправии» стал развиваться особенно активно после украинских событий 2014 года, когда, с точки зрения российского руководства, ЕС поставил Украину перед сложным выбором, не учтя экономических интересов российско-украинского сотрудничества, а Россия вообще была исключена из переговорного процесса о дальнейшем развитии этого сотрудничества, которое неминуемо затрагивало Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС. Именно тогда было отчетливо артикулировано стремление России восстановить за собой право иметь собственные национальные интересы, которое за ней практически не признавал Запад после распада СССР. Суверенитет как «свобода выбора собственного пути развития»¹⁰ противопоставляется В.В.Путиным миру, где «все больше диктата и все меньше равноправия», в ходе выступления на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году. Апогеем этого дискурса стала военная часть федерального послания 1 марта

2018 года, где была эффектно продемонстрирована современная военная мощь России, которая стала ответом на отказ Европы принять Россию в качестве равноправного участника общей европейской системы безопасности¹¹.

Суверенитет в его «вестфальском» понимании не менее часто эксплуатируется в российском политическом дискурсе. Вмешательство во внутренние дела суверенных государств - один из ключевых аргументов в конфликте России с США и ЕС со времен атаки натовской коалиции на Югославию в 1998 году, «цветных революций» 2000-х годов и по сей день, когда Россия отстаивает незыблемое право сирийского народа самому определять свою политическую судьбу. «Вестфальский» суверенитет в этом смысле является и «главным стражем» российского внутреннего суверенитета, о котором речь пойдет ниже. Несмотря на то что угроза «цветной революции» в самой России с очевидностью миновала в тех же, 2000-х, это «пугало» - опасность вмешательства во внутривнутриполитические дела России - периодически достается из пыльного чулана, чтобы «покошмарить» широкую общественность «иностранными агентами», западными преподавателями, излагающими крамолу в российских вузах, и опасностью обучения в «недружественных странах»¹².

«СУВЕРЕНИТЕТ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ» ИЛИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ БЕЗ СУВЕРЕНИТЕТА?

Со вторым компонентом суверенитета по С.Краснеру - «суверенитетом взаимозависимости» - дело обстоит гораздо сложнее и отнюдь не так однозначно. Видимо, именно по этой причине данная составляющая суверенитета не стала в России частью официального политического дискурса. И хотя обновленная в 2017 году Концепция внешней политики Российской Федерации утверждает, что «экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности», сегодня совершенно очевидно, что эта взаимозависимость для России стала скорее не фактором стабильности, а источником множества рисков и угроз.

Удастся ли России и здесь отстоять собственный суверенитет - вопрос еще не решенный. Помимо того, что Россия в мировом

масштабе пока не более чем «трехпроцентная сверхдержава»¹³ (формирует не более 3% мирового ВВП), не менее важен и другой факт - степень зависимости российской экономики от мировой экономической и политической конъюнктуры и способность, в свою очередь, на эту конъюнктуру влиять. Уязвимость России была убедительно продемонстрирована за последние несколько лет - начиная от падения цен на нефть и кризиса 2015 года, заканчивая последним падением рубля и биржевых котировок российских компаний вследствие очередного пакета санкций США от 6 апреля этого года. Все эти факты, конечно же, влияют на общественное восприятие российского экономического суверенитета. Российское руководство заверяет, что активно работает на снижение этой зависимости, пытаясь показать, что у нас и тут с суверенитетом все в порядке - отстоим (можно вспомнить и о разговорах о переходе на взаиморасчеты в национальных валютах, и о запуске банковской карты «Мир», и о попытках сделать национальную версию SWIFT, и о возможностях закупки технологий в третьих странах и т. д.).

Однако на сегодняшний день фактом остается по-прежнему высокая степень зависимости и серьезные риски, которым российская экономика неизбежно подвергнется в результате существенного ограничения доступа к заемным средствам и оказания США давления на компании третьих стран в случае их взаимодействия с подсанкционными российскими компаниями. Это пока не стало частью «common knowledge» в общественном сознании, но уже происходит, что убедительно продемонстрировал тот факт, что даже швейцарская компания «Glencore» заявила о своем намерении пересмотреть контракты с «Русалом» после введения очередных санкций США, и японские трейдеры отказались торговать российским алюминием. И такая зависимость, безусловно, представляет собой ограничение суверенитета в строгом экономическом понимании этого концепта.

Пожалуй, финальный аккорд в похоронном марше «суверенитета взаимозависимости» был сыгран 23 апреля этого года, когда Минфин США допустил возможность снятия санкций с «Русала»¹⁴ при условии, что нынешний владелец компании - бизнесмен Олег Дерипаска - откажется от контроля над ней. Это означает, что руководитель частной компании вне юрисдикции США, его бизнес, интересы инвесторов и всех международных партнеров во множестве стран

мира оказываются под давлением внешнего актора по причине его (Дерипаски) лояльности российской политической системе, то есть признания им легитимности оснований российского суверенитета. Данного рода действия представляют собой попытку подрыва легитимности внутреннего суверенитета, о котором речь пойдет ниже.

До начала нынешней крупномасштабной санкционной войны России и Запада вопрос о том, что делать с «суверенитетом взаимозависимости», для большинства государств не стоял. Во многом это был вопрос восприятия: что важнее - фактическое состояние уязвимости перед экономическими рисками, исходящими извне, или же восприятие этой уязвимости как некоего негативного фактора? Глобализация большинством стран воспринималась как процесс, дающий больше плюсов, чем минусов. Кроме того, присутствовало понимание, что интеграция в мировую экономику - это всегда заведомо ограничение национального суверенитета, равно как и вступление в международные организации - от ООН до ВТО, где приходится следовать определенным правилам, даже если они ограничивают способность действовать сообразно собственному национальному интересу.

Однако большинство государств все же выбрали интеграцию, а не автаркию, поскольку это давало им возможность получить доступ к ресурсам, расположенным за пределами своей юрисдикции. Если же принятые правила игры категорически не устраивают, то варианта, по сути, только два: можно играть по своим собственным правилам в одиночестве (тогда не надо ожидать международного признания в качестве хотя бы даже региональной державы), либо пытаться сделать так, чтобы твои правила приняло значимое количество стран. Но это потребует много сил и времени. Нет смысла выпрыгивать из лодки раньше, чем построишь собственный плот.

Что касается обратного влияния России на мировую экономику, то здесь ее степень, видимо, скромнее. Да, в каких-то отраслях это влияние, безусловно, ощутимо (например, в космической, в торговле ресурсами, в торговле вооружениями). В некоторых регионах это влияние заметно. Например, экономики многих постсоветских государств в довольно существенной мере привязаны к российской экономике. Взять хотя бы одну четверть населения Армении, работающего в России, или же половину ВВП Таджикистана, формируемого из денежных переводов мигрантов, или 100% белорусского молочного экспорта, поступающего в Россию.

Однако опять же возникает вопрос: что первично - сам факт влияния российской экономики на экономику государств-соседей или восприятие этого влияния? И вот здесь, если мы посмотрим на восприятие, то окажется, что оно отнюдь не однозначно в общественном сознании. Существенная доля населения и определенные политические круги воспринимают эту зависимость от экономического взаимодействия с соседней страной в негативном ключе. Примеров такого неоднозначного восприятия в странах бывшего СССР найдется немало. Наиболее ярко это выразилось в дискуссиях о присоединении ряда стран к ЕАЭС или к DCFTA. Причем роль восприятия здесь оказалась огромной: потеря части экономического суверенитета в пользу ЕС не рассматривается в этих странах как негативный фактор («назло маме отморожу уши»), в то время как экономическое влияние России связано в общественном сознании с неизменно негативными коннотациями. При таком раскладе есть риск того, что еще большее усиление экономического влияния России будет воспринято скорее негативно, чем позитивно.

Уже сейчас довольно хорошо заметно, что Россия в соседних странах воспринимается позитивно именно как гарант безопасности, но не как экономическая модель, на которую хотелось бы ориентироваться. Здесь метафора «пожарника», который в случае возгорания готов прийти на помощь¹⁵, подходит как нельзя кстати. Создание ЕАЭС, безусловно, является самой существенной с момента распада СССР попыткой сформировать экономически привлекательную модель развития, но о результатах этой работы говорить пока еще все же слишком рано. Зато стремление к «диверсификации» экономических связей у всех стран - участниц ЕАЭС уже налицо. ЕС по-прежнему является ключевым донором, экономическим партнером и инвестором для большинства стран региона¹⁶.

Кроме того, Армения и Казахстан за последние два года подписали соглашения о сотрудничестве с ЕС, Беларусь, наравне с Казахстаном все активнее развивает свою многовекторность и наращивает сотрудничество с ЕС в рамках Восточного партнерства, и весь регион в целом с нетерпением ждет реализации китайской инициативы «Один пояс - один путь», понимая, что иных источников финансирования транспортной и инфраструктурной связности региона просто нет и в ближайшем будущем не предвидится. Поэтому даже в регионе ближайшего соседства России еще предстоит серьезно бороться за сохранение экономического влияния, особенно прини-

мая во внимание тот факт, что с созданием того же ЕАЭС экономическая взаимозависимость в нем выросла, но вместе с тем вырос и риск дружно оказаться под негативным влиянием санкционной войны со стороны США. Это, в свою очередь, повышает риск неблагоприятного восприятия российского экономического влияния.

Таким образом, анализ составляющих, из которых формируется суверенитет взаимозависимости, дает нам понимание, почему эта концепция суверенитета пока не стала значимой частью российского официального дискурса. В настоящий момент это уравнение с двумя неизвестными: как избавиться от негативного влияния внешних акторов на экономику России и снизить порог уязвимости российской экономики - пока непонятно; как повысить степень экономического влияния России в мире и создать привлекательную модель экономического роста - неизвестно, получится ли.

ВНУТРЕННИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ОПАСНОСТЬ «ВЫХОДА»

Продолжая размышление о составляющих суверенитета, хотелось бы вернуться к первому пункту С.Краснера - внутреннему суверенитету как принципу организации власти в государстве и контроля над ее исполнением со стороны граждан. Внутренний суверенитет не может быть без внешнего, который дает возможность гражданам самим решать вопрос внутриполитического устройства и организации власти; внешний суверенитет совершенно невозможен без внутреннего, потому что именно последний гарантирует наличие стабильно функционирующей политической системы и легитимной власти, способной защитить территорию государства и его национальные интересы.

Ключевым компонентом внутреннего суверенитета является легитимность власти. Внутренний суверенитет как отражение легитимности был осмыслен в работах ряда политических философов - М.Фуко, Дж.Агамбена, А.Негри. Государство проникает в частную жизнь человека (в его приватную сферу) через его права и их ограничение, гражданскую идентичность, обязывающие нормы поведения и т. д., реализуя таким образом внутренний суверенитет. Легитимность и доверие санкционируют это вторжение. Если же этот суверенитет не рассматривается обществом как легитимный, то есть не основанный на доверии, на представлениях общества о том, как должна быть устроена власть, как и с помощью каких инструментов

она должна реализовать национальный интерес, то такой нелегитимный суверенитет превращается в структурное насилие¹⁷, о котором много писал И.Галтунг и его последователи¹⁸.

Ряд исследователей, мыслящих о суверенитете в конструктивистской парадигме, обращают внимание на значение национальной идентичности, «онтологической безопасности» и социокультурных оснований легитимации в утверждении и функционировании суверенитета¹⁹. Однако ключевое значение при анализе внутреннего суверенитета приобретают факторы легитимности - доверие и прочность социальных связей, служащих латентной поддержкой укрепления суверенного государства.

Здесь на первый взгляд у России проблем нет. Режим в высокой степени консолидирован. Президент только что получил более 76,69% голосов на выборах, при высокой явке. За него проголосовали 56,43 млн. человек, что превышает абсолютные показатели 2000, 2004 и 2012 годов²⁰. Казалось бы, какие могут быть вопросы? Однако есть ряд факторов, указывающих на наличие рисков размывания легитимности как основания внутреннего суверенитета.

К ним можно отнести, во-первых, постепенный, но устойчивый рост числа людей, выезжающих за рубеж на ПМЖ, то есть по тем или иным причинам отказывающихся находиться в зоне действия российского суверенитета (меняющих суверенитет). С начала 2010-х годов увеличилось количество уехавших в традиционно привлекательные для эмигрантов страны, такие как США (с 1241 до 1437 человек), Германия (3236 и 3956 человек), в три-четыре раза выросло количество россиян, переехавших на постоянное жительство в соседние Латвию, Литву и Эстонию, а также в Финляндию²¹. Во-вторых, в нынешних внешнеполитических условиях приобретает особое значение доля желающих уехать за рубеж. По данным опроса ВЦИОМ, на июль 2017 года каждый десятый россиянин (10%) хотел бы переехать на ПМЖ за границу. Причем чаще других о желании переехать заявляют молодые россияне (25% среди 18-24-летних, 16% среди 25-34-летних)²².

Имеет значение, что в качестве причин переезда чаще стали называть недовольство политикой властей. Да, отток населения из России, равно как и его естественная убыль, пока что компенсируются притоком из стран бывшего СССР, однако количество так называемых соотечественников с каждым годом сокращается, меж тем

становится больше экономических мигрантов, для которых вопросы легитимности власти и социокультурных оснований суверенитета вряд ли актуальны. Помимо оттока человеческого капитала, стоит упомянуть также объем бегства капитала и весьма скромные на данный момент результаты политики деофшоризации российской экономики²³, что тоже ставит знак вопроса в дискуссии о легитимности и государственном суверенитете.

В-третьих, в социокультурном смысле в России президентские выборы - это в основном голосование по вопросу доверия президенту, а не системе. Прежде всего необходимо принимать во внимание, что результаты выборов говорят нам о том, что нынешняя власть легитимна с точки зрения тех 56 млн. человек, которые за нее проголосовали. О том, что думают о легитимности остальные две трети граждан, нам известно крайне мало.

Кроме того, в России имеет место серьезное расхождение в уровнях персонализированного, генерализованного и институционального доверия²⁴. Опасные последствия расхождения этих трех параметров убедительно продемонстрировали многие исследователи социального капитала, которые подчеркивали, что низкий уровень генерализованного и институционального доверия в сочетании с высоким уровнем персонализированного доверия негативно влияют на политические институты и функционирование политической системы²⁵, поскольку не обеспечивают ее легитимности.

При наличии стабильно высокого уровня персонализированного доверия к президенту, в России на низком уровне находится генерализованное доверие (доверие на уровне гражданского общества) и практически отсутствует институциональное доверие (к иным политическим институтам). Так, например, доверие к правительству (35%), политическим партиям (19%), Федеральному Собранию (33 и 35% - Госдума и Совет Федерации соответственно), прокуратуре (33%)²⁶ колеблется на грани флага или даже хуже (в западной политологии легитимной считается власть, пользующаяся доверием более 30% населения). Ключевой вопрос, который возникает в этой связи: достаточно ли будет персонализированного доверия президенту для построения эффективной мобилизационной экономики, если таковая будет принята в качестве новой траектории развития России в новых геополитических условиях?

На уровне гипотезы позволю себе предположить, что уровень персонализированного доверия настолько высок, потому что прези-

дент не имеет возможности активного вмешательства в повседневные практики граждан на регулярной основе. Когда же он это делает (как правило, после ежегодных прямых линий), то демонстрирует высокую эффективность, что подкрепляет высокий уровень доверия. В то время как те институты, которые на регулярной основе осуществляют вторжение в частную сферу граждан, демонстрируют стабильный дефицит доверия.

Возможна ли мобилизационная экономика в условиях дефицита генерализованного и институционального доверия? А.Хиршман²⁷ выделил в свое время три типа социального действия - «loyalty» (лояльность), «exit» (выход) и «voice» (голос). В условиях неудовлетворенности качеством предоставляемых услуг (в данном случае поставщиком выступает государство), то есть в условиях дефицита легитимности, при таком низком уровне доверия большинству институтов власти говорить о лояльности едва ли возможно. В таких условиях власть или суверен воспринимаются как структурное насилие, нелегитимно вторгающееся в повседневную жизнь и повседневные практики граждан. Стратегия «голос», то есть открытое выражение своего протеста и четкая артикуляция стремления к политическим изменениям недоступна большинству граждан вследствие дефицита доверия на уровне гражданского общества и низкой степени социальной интеграции.

Уровень протестной активности, как показывают последние исследования, в 2017 году возрос, однако политизации этой активности не происходит - в ее основе лежит протест социально-экономического характера²⁸. Протестная активность носит спорадический и неструктурированный характер и не является антисистемной. В этих условиях наблюдается доминирование стратегии «выхода», которой придерживается большая часть населения и которая означает стремление как можно эффективнее избегать любого взаимодействия с институтами власти и не принимать участия в политике²⁹. В условиях мобилизационной экономики данная стратегия, очевидно, станет практически недоступной - мобилизация должна будет коснуться каждого. И этот опыт у России уже имеется.

Таким образом, построение мобилизационной экономики будет ключевым испытанием для легитимности власти: удастся ли выплыть на «великодержавности» и «восстановленном суверенитете» как национальной идее? Мобилизационная экономика - это всегда повышение уровня вмешательства государства в жизнь каждого индиви-

да и резкое сужение возможности реализовать стратегию «выхода». А значит, это проверка на готовность к лояльности той части населения, которая не голосовала за Путина и в данное время продолжает придерживаться стратегии «выхода» (примерно две трети населения). Зыбкое основание «внутреннего суверенитета», очевидно, подвергнется наиболее серьезному испытанию в случае усугубления конфликта России с Западом и перехода на мобилизационную экономику.

¹Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

²Выступление на торжественном приеме по случаю национального праздника - Дня России. 12 июня 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52145>; Путин: РФ сохранила суверенитет и совершила прорывы по важным направлениям // РИА Новости. 19.12.2017 // URL: <https://ria.ru/politics/20171219/1511255375.html>

³Там же.

⁴Там же.

⁵Президент как универсальная точка отсчета // Левада-центр. 09.02.2018 // URL: <https://www.levada.ru/2018/02/09/prezident-kak-universalnaya-tochka-otscheta/>

⁶Кортунов А. Пути выживания в окопной войне // Российский совет по международным делам. 20 апреля 2018 г. // <http://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-vyzhivaniya-v-okopnoy-voyne/>

⁷Президент как универсальная...

⁸Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999.

⁹Путин и Си Дзиньпин: все страны должны пользоваться одинаковыми правами // Mir24.tv // URL: <https://mir24.tv/news/13529069/putin-i-si-czinpin-vse-strany-dolzhy-polzovatsya-odinakovymi-pravami>; Лавров заявил о нарушении Западом и США принципа равенства государств // Gazeta.ru. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2014/09/27/n_6514977.shtml и др.

¹⁰Путин В.В. Выступление на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 2015 г. // Kremlin.ru. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

¹¹Путин В.В. «Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. Послушайте сейчас» // Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹²Российских студентов вернут из недружественных стран // Lenta.ru. 17 апреля 2018 г. // URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/17/comehome/>

¹³Трехпроцентная сверхдержава. Как менялось место России в мировой экономике - в 10 графиках // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3466834>

- ¹⁴«Русал» стремительно подорожал // Lenta.ru. 24 апреля 2018 г. // URL: https://lenta.ru/news/2018/04/24/rusal_up/
- ¹⁵Кортунов А. Указ. соч.
- ¹⁶Алексеенкова Е.С. ЕАЭС к 2025 г.: Приоритеты и ожидания государств-членов. Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск / 2017 // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. С. 6-37.
- ¹⁷Алексеенкова Е.С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. №1(52). С. 22-44.
- ¹⁸Galtung Johan. «Violence, Peace, and Peace Research» // Journal of Peace Research. Vol. 6. №3 (1969). P. 167-191.
- ¹⁹Mitzen J. Ontological Security in World Politics // European Journal of International Relations. 12.03.2006. Steele B., Ontological Security in International Relations. London, 2008; Zarakol A. After Defeat: How the East Learned to Live with the West. Cambridge, 2010; The Return of Geopolitics in Europe?: Social Mechanisms and Foreign Policy Identity Crises, edited by S.Guzzini. Cambridge, 2012; Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a «Civilizational Politics» Line of Research // International Studies Review. 20.04.2014.
- ²⁰ЦИК утвердил итоги выборов президента России // ТАСС. 23 марта 2018 г. // URL: <http://tass.ru/politika/5058919>
- ²¹Кто уезжает из России и кто в нее приезжает // Ведомости. 21.05.2018 // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/01/25/748893-kto-uezzhaet>
- ²²Опрос: каждый десятый россиянин хотел бы переехать на ПМЖ за границу // Gazeta. Ru. 04.07.2017 // https://www.gazeta.ru/social/news/2017/07/04/n_10259012.shtml
- ²³Дома хуже: Карачинский рассказал Forbes, почему деофшоризация невыгодна для бизнеса // Forbes. 17.04.2018 // URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/360221-doma-huzhekarachinskiy-rasskazal-forbes-pochemu-deofshorizaciya-nevygodna-dlya>; Хейфец Б. Деофшоризация российской экономики: процесс пошел // ИА Regnum. 31.10.2016 // URL: <https://regnum.ru/news/2199754.html>; Деофшоризация отменяется // Expert Online. 10.03.2017 // <http://expert.ru/2017/10/3/deoffshorizatsiya-otmenyaetsya/>
- ²⁴Подробнее о трех типах доверия - персонализированного, генерализованного и институционального - см. в Hayoz N. 2003. Arm's-Length Relationships, Political Trust and Transformation in Eastern and Central Europe. Finance and the Common Good, Winter-Spring.
- ²⁵Porta, D. della (2000). 'Social Capital, Beliefs in Government, and Political Corruption' // Pharr S.J. and Putnam R.D. (eds.), Disaffected Democracies. Princeton: Princeton University Press, 202-229; Fukuyama, F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press (1995); Hetherington, M. Why Trust Matters: Declining Political Trust and the Demise of American Liberalism. Princeton: Princeton University Press (2004); Inglehart, R. 'Trust, Well-Being and Democracy,' // Warren M.E. (ed.). Democracy &

Trust. New York: Cambridge University Press (1999), 88-120; *Putnam, R.D.*. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster (2000); etc.

²⁶<https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/>

²⁷ *Hirschman Albert O.* Exit, voice and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Harvard University Press, 1970.

²⁸ Низы не хотят. Протестная активность россиян усиливается весь 2017 год, но социально-экономический протест редко политизируется // Профиль. 07.11.2017 // URL: <http://www.profile.ru/obsch/item/121355-nizy-ne-khotyat>

²⁹ Левада-центр. Россияне не могут и не хотят влиять на власть // Ведомости. 24 августа 2016 г. // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/08/24/654243-rossiyane-mogut-ne-hotyat-vliyat-vlast-levada-tsentr>

Ключевые слова: суверенитет, дискурс, развитие, взаимозависимость, внешняя политика России, конфликт России с Западом.